

Л.С. Гребнев
Философия экономики
(старые истины и новое мышление)
Москва – 1991

Рецензент – доктор экономических наук профессор
А.С.ГАЛЬЧИНСКИЙ

Предлагается новый подход к оценке состояния и тенденций развития современного общества, основанный на непредвзятом отношении к теоретическим взглядам К. Маркса и изменениях в XX в. естественно-научных представлений о мире.

Оглавление

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
Глава 1. МАТЕРИАЛЬНОЕ ВОСПРОИЗВОДСТВО: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ СХЕМЫ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ	
НЕКОТОРЫЕ ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ХОЗЯЙСТВОВАНИЯ	
ПРОИЗВОДСТВО ЖИЗНИ, ПРОИЗВОДСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ, ПОТРЕБИТЕЛЬНЫЕ СИЛЫ ..	12
Глава 2. ДИАЛЕКТИКА ПРЕДМЕТНОСТИ И ИЗМЕНЧИВОСТИ	22
ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ .	22
ПРЕДМЕТЫ И ИХ ИЗМЕНЕНИЯ	23
ПРЕДМЕТНОСТЬ ЦИКЛА ИЗМЕНЕНИЙ .	32
ТВОРЧЕСКАЯ И РЕПРОДУКТИВНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ	48
Глава 3. ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫЕ И ПОТРЕБИТЕЛЬНЫЕ СИЛЫ ОБЩЕСТВА	57
ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ	57
ВЗАИМОСВЯЗИ ГЛАВНОЙ И ОПРЕДЕЛЯЮЩЕЙ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫХ СИЛ	60
ЕСТЕСТВЕННЫЕ ИСТОЧНИКИ ПОТРЕБЛЯЕМЫХ ПРЕДМЕТОВ	67
СВОЙСТВА ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫХ И ПОТРЕБИТЕЛЬНЫХ СИЛ	73
Глава 4. ТИПЫ ХОЗЯЙСТВОВАНИЯ	84
ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ	84
СПОСОБЫ СОЕДИНЕНИЯ СИЛ НОСИТЕЛЕЙ ЖИЗНИ	84
ОСОБЕННОСТИ ХОЗЯЙСТВЕННЫХ РЕШЕНИЙ	105
СВЯЗИ МОНОПОЛИЙ ХОЗЯЙСТВОВАНИЯ И ПРИСВОЕНИЯ	112
Глава 5. ОТНОШЕНИЯ СУБЪЕКТОВ ВОСПРОИЗВОДСТВА	126
ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ ..	126
КЛАССИФИКАЦИЯ СУБЪЕКТОВ ВОСПРОИЗВОДСТВА ..	126
ВИДЫ КОНКУРЕНЦИИ СУБЪЕКТОВ	136
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	153

Леонид Сергеевич Гребнев
Философия экономики (старые истины и новое мышление)
Монография

Редакторы Н.А.Смирнова Е.В.Стадниченко Корректоры М.И.Кряковкина Г.И.Секачева
Подписано в печать 18.08.91 Формат 60х84 1/16 усл.псч.л. 7.8 Авт.печ.л. 15.0 Тираж 500 экз. Заказ
Цена 5р.20к.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Рубеж веков, а тем более тысячелетий, от рождества Христова обычно настраивает европейски ориентированных людей на философский лад, на раздумья о мировой истории, ее смысле. Не обходит это настроение и экономистов. В начале XX в. С.Н. Булгаков опубликовал книгу "Философия хозяйства. Часть 1. Мир как хозяйство". К этому моменту он уже почти завершил переход от марксизма к православию, не питал симпатий к К. Марксу, но отдавал ему должное как мыслителю и фактическому основателю особого направления теоретических исследований жизни общества. (Эпиграф взят из его работы "Религия человекобожества у Л. Фейербаха", опубликованной в издательстве "Свободная совесть" в 1906 г.)

Сейчас, почти сто лет спустя, на рубеже XX и XXI вв., у нас есть не только религиозный, но и вполне мирской повод поразмышлять над прошлым и будущим. XX век стал веком крупномасштабных попыток воплощения учения К. Маркса в жизнь. Крах этих попыток почти автоматически ведет к отторжению общественным сознанием всего, что связано с К. Марксом. Навсегда ли? Думаю, нет.

Известно, что К. Марксу удалось довольно органично для своего времени соединить три относительно самостоятельных направления общественной мысли – философию, политическую экономию и учения о социализме. Основой его синтеза была проблема эксплуатации человека человеком. Действительно, эта тема не выглядит чужеродной ни в философии, ни в экономической теории.

Нетривиальность подхода К. Маркса была в том, что он отказался безоговорочно принимать принцип приоритета общего над частным, индивидуальным. Многие и сейчас видят в этом принципе основную идею социализма, не замечая, что итальянское слово фашио (связка, объединение) имеет подозрительно близкий смысл. "Подчинение людей общему началу ведет к бедности, свобода индивидов – к богатству", – примерно так сейчас критикуется теория и практика социализма в экономической сфере.

Разумеется, К. Марксу эту критику адресовать нельзя, поскольку свободное развитие каждого он всегда рассматривал как условие свободного развития всех. Критику капитализма он вел в рамках идеи свободы индивидов, показывая необходимый, но недостаточный, формальный ее характер пока человек остается рабом своего желудка, пока он вынужден высшие человеческие способности использовать для удовлетворения своих биологических потребностей. Отсюда идея царства свободы по ту сторону сферы производства материальных благ. Идея добровольного союза свободных индивидуальностей, контролирующих свое существование, обмен веществ с природой. Союза, охватывающего всех одновременно живущих людей (обобществившееся человечество). Понятно, что время практической проверки этой идеи еще не пришло: ни ручной труд, ни индустриальные технологии не обеспечивают необходимой материальной базы. Поэтому неизбежен глубокий, неустрашимый разрыв между марксовой идеей реальной свободы, освобождения от эксплуатации, и представлениями масс, подвергающихся эксплуатации вполне определенного вида и желающих немедленно от нее избавиться. Но такое немедленное освобождение от эксплуатации одного вида может привести только к замене ее эксплуатацией другого вида. Если главное зло видится в частной собственности – долой буржуев, да здравствует общая собственность! Если главным злом становится тоталитарная система и поголовное рабство, свойственные господству общей собственности, – даешь приватизацию, да здравствует свобода!... Можно пытаться манипулировать настроениями людей, можно при этом использовать имя К. Маркса – со знаком плюс или со знаком минус. К основной идее реальной свободы все это отношения не имеет.

Но XX в. приготовил этой идее еще один неприятный сюрприз – проблему выживания человечества. Контроль обмена веществ с природой необходимо налаживать человечеству,

наполовину, если не более, занятому традиционным ручным трудом, раздираемому разнообразными социальными конфликтами. Это чревато угрозой нового тоталитаризма, теперь уже глобального и опирающегося на почти фантастический разрыв в технологиях между ведущими и ведомыми.

Говорят, что время стремительных перемен – не самое удачное для издания монографий. За злобой дня можно поспеть, и то с трудом, только через журнальные публикации. Но ведь кроме этой самой злобы, в буквальном и переносном смысле, в жизни каждодневно присутствуют и так или иначе, в том числе и через злобу, проявляются и фундаментальные закономерности, логика хозяйственной эволюции, которая не зависит от чьего бы то ни было желания – ни отдельных людей, ни целых народов, ни даже всего человечества. Именно эта логика общественного бытия, а не опросы общественного мнения или референдумы, определяет пока что – быть или не быть частной собственности, рынку, социальным гарантиям и другим столь же существенным характеристикам материальной жизни общества. Особенности этой логики не осветить сколько-нибудь полно в статье, а потребность в ее освещении будет нарастать по мере рассеяния преувеличенных надежд на преобразование законов экономической жизни путем юридического законотворчества. Поэтому появление монографий по фундаментальным проблемам общественнознания становится неизбежным. Их никак не могут заменить сборники статей пусть даже авторитетных авторов.

В то же время возможны и определенные трудности для читателя в работе над такими монографиями. Все мы сейчас привыкли к повышенной публицистичности изложения материалов, относящихся к общественной жизни, привыкли к тому, что авторы, в том числе и профессиональные ученые ("докторская публицистика"), настолько хорошо преподносят свои идеи, что они могут восприниматься читателем почти без усилий. Конечно, не надо усложнять изложение простой мысли только для того, чтобы мозг читателя совсем не обленился. Но простых идей, простых мыслей не так уж много. Да и они между собой могут быть связаны жизнью в очень запутанный клубок. Распутать его порой невозможно без собственных усилий читателя. В данной работе не раз приходилось выбирать между простой формой изложения и сохранением точности содержания. В тех случаях, которые показались важными, приходилось выстраивать довольно громоздкие логические конструкции. В других случаях расчет был на эрудицию читателя, его способность самостоятельно осуществить переходы от одного положения к другому. Насколько успешно был сделан тот или иной выбор – судить читателю.

В книге довольно мало ссылок на современных авторов. Отчасти это связано с самим ее содержанием, которое довольно далеко от традиционных вопросов, обсуждавшихся до сих пор в нашей специальной литературе, прежде всего экономической.

Наиболее часто цитируемый автор – К. Маркс, поскольку именно он в свое время внес наибольший вклад в разработку темы данной работы, формирование ее понятийного аппарата. Он не делал секрета из ориентации своей научной работы на идейное обеспечение политической борьбы рабочего класса, ее радикального, революционного течения. Но, на мой взгляд, Маркс-ученый значительно внимательнее относился к запросам Маркса-революционера, чем Маркс-революционер к теоретическим положениям Маркса-ученого. К сожалению, именно такая модель отношений теоретиков и практиков социальных преобразований закрепилась в нашей стране. Результат известен теперь всем. Подробно останавливаться на нем в этой книге нет необходимости.

Не удалось здесь отразить сколько-нибудь полно вклад в разработку данной темы С.Н. Булгакова. В его книге "Философия хозяйства" не все устарело за многие десятилетия.

Честно говоря, я испытывал большие затруднения при формулировании названия своей работы и ее оглавления. Можно позавидовать литераторам, которые часто ограничиваются простой нумерацией глав или не делают даже этого. Еще проще композиторам – им часто достаточно указать жанр своего произведения и его порядковый номер, а то и просто написать: "Опус №...". От нашего же брата требуется, чтобы название точно соответствовало содержанию работы и чтобы оно имело логику, понятную коллегам с первого взгляда на

оглавление, без знакомства с самим текстом. Трудности с выполнением этих требований и заставили меня принять несколько расплывчатое название: "Философия экономики (старые истины и новое мышление)".

Несколько слов о структуре книги. Первая глава имеет сугубо "разминочный", подготовительный характер. Основное назначение этой главы – показать, как осмысление некоторых практических проблем экономической жизни недавнего прошлого, да и настоящего, выводит на нетривиальную теоретическую проблему, связанную с тем, что в книге названо диалектикой предметности и изменчивости. Именно так называется вторая глава, ключевая в данной монографии. Как раз здесь наибольшее предпочтение отдается точности выражения мысли. Здесь же приходится довольно много цитировать (опять-таки ради сохранения точности высказываний) некоторых философов. Скорее всего, именно эта глава окажется наиболее непривычной, трудной для восприятия читателя-экономиста, особенно прикладника, конкретника. Остальные три главы имеют полуприкладной-полуиллюстративный характер. В целом описанная структура соответствует конструктивистскому стандарту, привычному среди экономистов-математиков: постановка проблемы, описание инструментария, изложение результатов его применения. Насколько такая форма изложения соответствует содержанию – судить читателю.

Опыт преподавания экономической теории людям, уже получившим в свое время высшее образование, показывает довольно большое различие в способе восприятия материала "гуманитариями" и "технарями". Первые, "гуманитарии", почти инстинктивно стараются избегать всяких схем и предпочитают словесную форму подачи информации. Во-вторых, "технари", воспринимают схемы без труда, даже с интересом.

Схемы, подобные представленным в этой книге, часто создавались на занятиях в процессе обсуждения материала и хорошо воспринимались практически всеми слушателями независимо от характера базового образования. Возможно, кому-то из читателей они помогут проверить понимание того, что представлено в книге в текстовой форме. Возможно, кому-то они пригодятся для разработки своих наглядных материалов или "опорных конспектов".

Должен, однако, предупредить, что между текстом и схемами нет изоморфизма. Не все фрагменты схем нашли сколько-нибудь подробное отражение в тексте и, наоборот, не все фрагменты текстовых материалов зафиксированы в табличной форме.

И последнее предварительное замечание. Вообще говоря, для понимания содержания этой книги вполне достаточно знаний по общественным наукам, которые даются в наших высших учебных заведениях, хотя, конечно, некоторая начитанность по вопросам экономической теории и собственный жизненный опыт желательны. Но еще более желателен интерес к общим вопросам, в которые часто упираются частности. Мой собственный интерес к общим вопросам в свое время (в конце 60-х гг.) был вызван общением с Э.Ильенковым, Г.Батищевым и Г.Водолазовым, а интерес к частностям – образованием, полученным в традициях школы В. Немчинова и кое-каким опытом работы в Госплане СССР в 70-х гг. и первой половине 80-х гг. Эти источники и питали поиски, основные результаты которых представлены в данной работе.

Отдельная благодарность – участникам семинара Е.Майминаса и В.Тамбовцева на экономическом факультете МГУ им. М.В.Ломоносова (1981 г.) за их способность выслушивать и критически оценивать идеи, высказываемые на стыках экономической теории с другими областями знания. Хочу также высказать слова признательности рецензенту А.Гальчинскому за ценные замечания и советы. Их учет позволил избавить текст от ряда крупных недоработок.

Глава 1

МАТЕРИАЛЬНОЕ ВОСПРОИЗВОДСТВО: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ СХЕМЫ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

НЕКОТОРЫЕ ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ХОЗЯЙСТВОВАНИЯ

Парадоксы нормативного метода. С чисто формальной точки зрения все нормы и нормативы имеют много общего. Так, они, как правило, отражают связь двух или более переменных величин. Однако за формальной общностью различных норм и нормативов скрываются качественные различия выражаемых ими связей, и игнорирование этого обстоятельства может привести к ошибкам.

Прежде всего представляется необходимым и в теории, и на практике четко различать нормативы, характеризующие связи элементов производительных сил, и нормативы, отражающие производственные отношения. К первым относятся, например, технико-экономические нормативы, применявшиеся в планировании народного хозяйства много десятилетий, а ко вторым – экономические нормативы, роль которых повысилась в 80-х гг. Чтобы не возвращаться к ним в этом сюжете, отмечу, что типичным нормативом второго вида, опрометчиво построенным по законам первого вида, является зарплатоемкость и ее различные модификации, применяемые при индивидуальной и коллективной сдельщине, подряде.

Но вернемся к нормативам первого вида. Они рождаются в рамках сугубо конкретных технологических процессов и отдельных операций, фиксируются в документах. Любое обобщение этих процессов и операций, даже на уровне цеха, ведет к появлению элементов условности в рассматриваемых нормативах. В наибольшей мере эта условность существует на народнохозяйственном уровне. Отсюда стремление плановых и хозяйственных органов максимально детализировать номенклатуры производимой продукции и распределяемых ресурсов, приводящее к давно известному "проклятию размерности", о котором речь пойдет далее.

Проблема, имеющая и философский аспект, состоит здесь в следующем: нормативы отражают характеристики *процессов*, движения, но не субъектов, *предметов*, а ресурсы выделяются как раз хозяйствующим субъектам (от министерства до рабочего). И их потребности в ресурсах отнюдь не тождественны потребностям технологических процессов. Техничко-экономические нормы и нормативы как бы "не замечают" тех, кто приводит в движение технологические процессы, не связаны с интересами людей. Цех, предприятие – это, как правило, только промежуточные этапы агрегирования норм расхода или использования ресурсов. Естественно, что конкретные социальные группы под видом информации о нормах затрат на технологические процессы склонны давать не то, что соответствует определенным технологиям, а то, что надо для жизни им самим. Так, условность агрегирования дополняется "систематической ошибкой" передачи информации снизу вверх, с уровня конкретного производственного участка вплоть до народнохозяйственного уровня. Единственный способ избежать такой "ошибки" – отделить информацию о технико-экономических нормах и нормативах от интересов тех, у кого ее запрашивают, прекратить "увязку" государственных заказов с выделяемыми ресурсами. Но можно ли это сделать? И как в таком случае определять потребности в ресурсах?

Отмечу лишь одно: традиционное фондирование не следует отождествлять с карточной системой, как это часто делается. Сходство здесь чисто формальное: право субъекта на получение определенного количества соответствующего продукта в единицу времени. Сама его величина рассчитывается принципиально по-разному. При фондировании сохраняется нацеленность на потребности технологических процессов в ресурсах для производства определенной продукции, при карточной системе – на потребности самих получателей без непосредственной увязки с тем, что они делают. К этому второму виду относятся и социальные нормативы, характеризующие уровень развития инфраструктуры, социальные гарантии. Од-

нако в нашей экономической литературе пока нет сколько-нибудь четкого учета различий между процессами и предметами, между *изменчивостью* и *предметностью* как свойствами объективной реальности, если переводить эту проблему в философскую плоскость. (Несколько забегаая вперед, хотелось бы сразу отметить, что К. Маркс различал эти категории уже в самых ранних работах. Так, можно сказать, что коэффициент трудоемкости для него – показатель пропорции *обмена процесса* труда на некоторый *предмет*, моносубъектное отношение обмена, самообмен, при котором часть жизни человека обменивается на предметы, необходимые для ее продолжения. Как и другие разработчики трудовой теории стоимости (ценности), он полагал, что именно этот моносубъектный обмен процесса на предмет лежит в основе полисубъектного обмена предметов в соответствующих пропорциях: "...этот обмен (своего труда на продукт труда – Л.Г.) есть скрытая форма (зародыш) действительного обмена"¹, все отношения между Робинзоном и его самодельным богатством просты и прозрачны, "и все же в них уже заключаются все существенные определения стоимости"². Однако для перехода от моносубъектного взвешивания и сопоставления полезных эффектов различных предметов потребления друг с другом и с необходимыми для их производства количествами труда³, свойственного и планоному ведению хозяйства в масштабах страны, к обычному полисубъектному обмену важна не абсолютная эффективность самообмена (процесс – предмет), а его относительная эффективность (предмет – предмет). Этот механизм был рассмотрен Д.Рикардо в теории сравнительных издержек, однако лишь на примере обмена между странами⁴. К сожалению, ни он, ни К. Маркс не обобщили эту теорию на случай полисубъектного обмена вообще. Не отличали они, как и многие другие, и "обмен" процесса на предмет при арендно-рентном отношении от обычного обмена товаров.) Но проблема предметности имеет и другие проявления в экономике. Некоторые из них мы сейчас рассмотрим.

"*Проклятие размерности*". Известно, что даже конкретные вещественные результаты производства сейчас практически не поддаются адекватному отражению, а тем более управлению со стороны общества в целом. На предметном уровне зарегистрированное разнообразие таких результатов уже исчисляется в классификаторах продукции десятками миллионов позиций, не считая отходов, поступающих в окружающую среду. В то же время на народнохозяйственном уровне номенклатура плановых расчетов не может превышать нескольких тысяч (или даже нескольких сот) позиций. Если формировать эти позиции методом агрегирования, то неизбежно теряется содержательность (в десятки тысяч раз) натуральных расчетов на народнохозяйственном уровне, они почти полностью отрываются от реалий. Если формировать их методом выбора ключевых позиций, то возникает не менее острая проблема увязки их между собой и с огромным морем позиций, не попавших в поле зрения верхнего уровня.

Эта ситуация в корне отличается от того, что представлялось К. Марксу, когда он писал, что в союзе свободных людей, работающих общими средствами производства и планомерно расходующих свои индивидуальные рабочие силы как одну общественную рабочую силу, все определения робинзоновского труда повторяются в общественном масштабе, причем отношения людей и в производстве и в распределении остаются простыми и прозрачными⁵. Робинзон и в самом деле мог вести достаточно полный "учет самому себе". Его инвентарный список мог содержать полный перечень предметов потребления, которыми он обладал, и различных операций, необходимых для их производства с указанием рабочего времени, которого в среднем ему *стоит* изготовление определенных количеств этих различных продуктов. Именно поэтому его отношения с вещами, составляющими его самодельное богатство, могли быть просты и прозрачны⁶.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.42.С.32.

² Там же. Т.23. С.87.

³ См. там же. Т.20. С.321.

⁴ См.: Рикардо Д. Соч. М., 1955. Т. 1. С. 117.

⁵ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.23. С.87-89.

⁶ См. там же. С.87.

Нет никаких оснований уповать на то, что развитие вычислительной техники в конце концов позволит снять проблему размерности. Подобные иллюзии во многом питали усилия по автоматизации плановых расчетов в 70-х гг. Но ведь хозяйственные решения, особенно ответственные, неординарные, принимает все-таки человек, а его возможности по осмыслению информации имеют границы. А если проблема размерности неразрешима, то товарно-денежные отношения превращаются в вечный спутник хозяйственной жизни?

В действительности, конечно, ситуация не столь безнадежна, поскольку сам исходный пункт – о вечности категории "рабочее время" – может быть оспорен, причем даже с опорой на К. Маркса. Имеется в виду его мысль, что с автоматизацией производства исчезает всякая зависимость между результатом производства (предметом потребления) и рабочим временем (последнее просто перестает существовать как самостоятельная характеристика процесса производства), а потому "рушится производство, основанное на меновой стоимости, и с самого непосредственного процесса материального производства совлекается форма *скудости* и *антагонистичности*"⁷. Не правда ли, мысль о сохранении скудости и антагонистичности производства до тех пор, пока рабочее время остается его определяющей характеристикой, и сейчас звучит свежо и непривычно?

Если выбирать, какая из двух взаимоисключающих мыслей К. Маркса лучше согласуется с практикой – "*рабочее время*, даже когда меновая стоимость будет устранена, всегда останется созидающей субстанцией богатства и мерой *издержек*, требующихся для его производства"⁸ или "как только труд в его непосредственной форме перестал быть великим источником богатства, рабочее время перестает и должно перестать быть мерой богатства"⁹, – то второй вариант выглядит предпочтительнее, хотя и высказан он в более раннем произведении К. Маркса, чем первый. Только в этом случае можно достаточно спокойно, трезво воспринимать товарно-денежные отношения, понимая, что именно они способствуют такому развитию производительных сил, которое в конце концов снимает основу антагонистичности производства – антагонизм рабочего и свободного времени в рамках времени нормальной человеческой жизни вообще. Вместе с этим антагонизмом снимается и проблема эксплуатации человека человеком, извечной спутницы и причины многих драм и трагедий в истории общества.

(Ведь если понимать эксплуатацию в самом широком смысле как паразитирование низших форм жизни на высших, то рабочее время – это в первую очередь время ограничения, подчинения творческих способностей человека рутинным биологическим потребностям. Эксплуатации духа телом, если так можно выразиться. Или иначе: "человек – раб желудка". На мой взгляд, именно эта самоэксплуатация, появившаяся чуть ли не раньше человека, трансформируется затем, по мере функционального и предметного разделения труда, в разные формы взаимной эксплуатации, некоторые из которых вырождаются в одностороннюю эксплуатацию – источник конфликтов в обществе и угрозу его существованию. Но царство свободы (от самоэксплуатации) – не только возможное светлое будущее всего человечества. По сути дела детство – это то реальное царство свободы, более или менее совершенное, из которого каждый уносит во взрослую жизнь способность быть человеком.)

Предметность информации. Известно, что информатика в развитых странах – самая динамичная сфера деятельности, масштабы которой измеряются уже десятками миллиардов долларов. В этой сфере также можно выделить два подразделения – производство средств производства (программных средств, баз данных) и производство предметов потребления (информационных продуктов). Причем эта сфера деятельности очень быстро прошла инкубационный этап натурального хозяйствования (в рамках банков, отдельных корпораций, правительственных организаций) и стала частью рыночной системы, вроде бы ничем не отличающейся от других ее частей (с одной стороны поставляются товары, с другой поступают деньги, цены определяются состоянием рынка). И все-таки отличия есть и весьма принципи-

⁷ См.: там же. Т.46.Ч.II.С.214 (курсив мой.—Л.Г.).

⁸ Там же. Т.26.Ч.III.С.265.

⁹ Там же.Т.46.Ч.II.С.214.

альные.

Продажа вещей представляет собой полную передачу монополии их дальнейшего использования покупателям. Потребительная стоимость этих товаров полностью отчуждается от производителя, который сохраняет за собой лишь их стоимость (при эквивалентном обмене). Информация же при ее продаже отнюдь не исчезает из рук ее первоначального собственника. Он, конечно, лишается полной монополии на ее дальнейшее использование, и с этой точки зрения информация начинает жить как бы собственной жизнью (как и обычная вещь). Но он может и дальше использовать эту информацию в своих интересах, в том числе может и продать ее (что и делается, например, при продаже лицензий). Впрочем, то же самое часто может делать и купивший эту информацию, поскольку и он может использовать ее многократно самыми разными способами.

Еще одна важная особенность информационного рынка: сопоставимость интеллектуального уровня контрагентов. Например, телевизором или холодильником может с успехом пользоваться человек, не имеющий понятия о том, как они устроены, на основе каких физических явлений действуют. Информацией же может пользоваться только тот, кто ее способен понять, т.е. человек примерно того же интеллектуального уровня, что и ее производитель. Отсюда весьма большое влияние на рыночную конъюнктуру натуральной альтернативы: потребители информации почти всегда могут не только приобрести нужные информационные продукты на рынке, но и создать их сами. Иными словами, в сфере информации натуральное и товарное производство не могут разделяться так сильно, как это чаще всего происходит в сфере обычных, вещественных предметов. В 80-е гг. объем информации, перемещающейся в рамках мировой капиталистической системы, по крайней мере на 70% состоял из внутрифирменных, по сути нетоварных потоков, которые связывали штаб-квартиры ТНК и их многочисленные филиалы в других странах.

Не работает в информационном секторе хозяйства и старое понятие "общественно необходимые затраты" на воспроизводство, имеющее большое значение в мире вещественных предметов. Во-первых, потому, что при потреблении информации ее потребительная стоимость не исчезает, и, следовательно, нет необходимости ее восстанавливать. Во-вторых, отсутствие физического износа информации делает невозможным ее "простое воспроизводство". А ведь именно в рамках простого воспроизводства материально-вещественных предметов политическая экономия рассматривает взаимосвязь исходных категорий. На рынке информации очень часто отсутствуют сколько-нибудь определенные ориентиры в виде средних общественно необходимых затрат воспроизводства, и в рамках отдельных сделок каждому из партнеров приходится отталкиваться от собственных, индивидуальных затрат. Правда, тот факт, что такие сделки обычно заключаются до, а не после реального производства информации (в этом они вписываются в общую картину современного рынка), позволяет ориентироваться не на фактические затраты (и тем самым раскручивать маховик "затратной экономики"), а на потенциальные, т.е. затраты воспроизводства здесь совпадают с потенциальными затратами производства.

Наконец, информация не имеет субстрата, "массы покоя", если можно так выразиться. Поэтому законы ее движения не могут не иметь весьма существенной специфики по сравнению с жизнью традиционных материальных благ. Это касается не только обмена и потребления информационных продуктов, о чем уже говорилось, но и их производства и распределения. В производстве информации отсутствуют привычные пропорции между затратами и результатами, которые можно было бы регулировать с помощью системы технических норм и нормативов расходования ресурсов (такими нормами охватывается здесь только применение технических средств – носителей информации, но не сама информация, которая и перерабатывается и применяется для обработки). При распределении информационных продуктов нет необходимости устанавливать какие-либо пропорции (и так всем хватит). Словом, бессубстратность информации не дает возможности применять балансовые методы в управлении информационным сектором экономики.

Появление такой специфической предметности в рамках общественного производства,

все большее переключение живого труда именно в информатику за счет его сокращения в сфере производства материальных благ ставит весьма сложные методологические задачи и перед теорией воспроизводства. И дело тут не только в дальнейшем смещении границ самого материального производства.

Дело в том, что до сих пор все воспроизводство мы делили на две сферы, различающиеся по предметам воспроизводства: в одной сфере воспроизводились вещи (и потреблялись люди), в другой – воспроизводились люди (и потреблялись вещи). Хотели мы этого или нет, но подход к человеку при этом оставался преимущественно субстратным, вещественным (те же нормы расхода различных предметов на его воспроизводство, простое или расширенное, то же распределение и предметов потребления и самих людей, стихийное или планомерное, но в любом случае почти не зависящее от каждого человека в отдельности). Развитие сферы информационной деятельности не только вводит в процесс воспроизводства в качестве относительно самостоятельного компонента бессубстратную внешнюю предметность (информацию, опредмеченное в символах знание), но заставляет и самого человека рассматривать не субстратно, не как индивида прежде всего, а как личность. Собственно, в философии такое различие проводится уже довольно давно, а сейчас, видимо, приходит пора включить его в свой методологический арсенал и специалистам по проблемам воспроизводства.

Сверхчувственная предметность вообще. Надо отметить, что информация – не единственный вид сверхчувственной предметности, с которым имеет дело экономическая теория. К. Маркс в "Капитале" неоднократно употреблял выражения типа "чувственно-сверхчувственная" предметность, "стоимостная предметность", всегда четко отличая такую предметность от предметности вещей как таковых. Собственно, на этом различии разных видов предметности и основано, на мой взгляд, все его учение о двойственности, которое, в свою очередь, лежит в основе "Капитала". Но у К. Маркса сверхчувственная предметность прямо связывалась с рабочим временем как некоей специфической субстанцией, затраты которой лежат в основе пропорций меновой стоимости¹⁰.

Может ли время затрачиваться в том же самом смысле, в каком затрачиваются энергия, материалы? Такой вопрос К. Маркс в явном виде не ставил, хотя и подчеркивал исторически преходящий характер категорий "стоимость", "абстрактный труд". Но если стоимость – исторически преходящая, особенная форма сверхчувственной предметности, она несет в себе и какой-то всеобщий момент, какую-то более глубокую сверхчувственную предметность, которая с исчезновением стоимости сама не исчезает, а лишь приобретает иные формы существования. Но какие?

Приводившееся размышление о прозрачно ясном характере отношений между Робинзоном и вещами, составляющими его самостоятельное богатство, К. Маркс завершает указанием на то, что в них уже заключаются все существенные определения стоимости. Какая же сверхчувственная предметность тут может быть обнаружена? Может быть, сама жизнь Робинзона, сам процесс ее воспроизводства? Но может ли циклический процесс взаимодействия различных предметов сам являться предметом? И если да, то в каких категориях его описывать, как с ним работать?

Даже этот краткий анализ некоторых проблем показывает, что для их решения, скорее всего, придется выйти за рамки экономической теории и углубиться в более общую методологию. С точки зрения положений самой экономической теории в этом нет ничего удивительного. Так же как в сфере материального (вещественного) производства действует закон опережающего развития I подразделения (суть которого сводится к тому, что если мы хотим получить какой-то новый предмет потребления, то, как правило, сначала надо создать средства его производства), точно так же в сфере науки методологическое обеспечение, как правило, должно развиваться с опережением во времени.

¹⁰ См. там же. Т.23.С.81-82.

Казалось бы, теория воспроизводства нашего общества должна с самого начала ориентироваться на человека, на производство и воспроизводство жизни общества, рассматривая производство вещей как подчиненный момент. Однако пока этого не произошло. Вероятно, определенную роль тут сыграли и особенности реального развития стран, народы которых решили освободиться от капиталистической эксплуатации, ввести социалистические, как казалось, методы хозяйствования. Но не менее важно для теории то, какой методологический аппарат наследует каждое поколение ученых и как оно этим аппаратом пользуется.

Для нескольких поколений советских ученых – специалистов по воспроизводству основы их категориального аппарата составляют известные схемы К. Маркса, в целом "Капитал" и "Введение" из "Экономических рукописей 1857-1859 годов". Именно в этом "Введении" К. Маркс дал свое описание производства, распределения, обмена и потребления как взаимосвязанных моментов материального производства безотносительно к какому-либо определенному способу производства. Этим описанием, ставшим классическим, мы широко пользуемся и сейчас, практически не обращая внимания на его историческую ограниченность.

В самом деле, что в этом описании в центре внимания, чья жизнь – людей или вещей? Вещей. Именно они производятся, распределяются, обмениваются и потребляются. К. Маркс во "Введении" не столько дает изложение своего подхода к воспроизводству жизни общества, сколько критикует метафизичность подходов буржуазных ученых, искусственно разрывающих эти моменты жизни вещей в процессе жизни человека и общества. По сути дела, все это рассуждение, имеющее вид универсального, всеобщего, относится главным образом к капиталистическому способу производства.

Разумеется, это не значит, что "Введение" надо игнорировать. Ни в коем случае. Просто им никак нельзя ограничиваться при формировании исходных положений теории воспроизводства, его надо вписывать в более широкий, более фундаментальный контекст. Контекст материальной жизни общества.

Строго говоря, этот контекст присутствует и во "Введении". Причем настолько разнообразно, что может показаться, что его вполне достаточно для рассмотрения производства не только вещей, но и людей. Можно даже указать на весьма современную по времени издания книгу "Воспроизводство человека: политико-экономический аспект", автор которой пытается во всем опираться именно на "Введение". Не буду спорить о трактовке в книге этого первоисточника. Укажу лишь на одну неточность. Обозначение производства человека как производства "второго вида" здесь трактуется как сугубо марксистское¹¹ со ссылкой и на "Введение", и на предисловие Ф. Энгельса к "Происхождению семьи, частной собственности и государства". У нас еще будет повод обратиться к этой работе Ф. Энгельса. А во "Введении" на странице, указанной Ю.Н. Нетесиним, К. Маркс пишет: "Однако, говорит *политическая экономия*, это идентичное с потреблением производство есть второй вид производства, истекающий из уничтожения продукта первого"¹². Как видно, сам К. Маркс не считал себя автором термина "производство второго вида", а тремя страницами позже подчеркивает, что отождествление этих процессов (производства и потребления) – ошибка не только гегельянцев, но и самых прозаических экономистов.

К сожалению, категория "жизнь" пока не входит органично в методологический аппарат экономистов в нашей стране. Может быть, и в этом проявляется отход нашей теории от реальной жизни? Если теория абстрагируется от жизни, то с таким же успехом (и с такими же потерями) жизнь абстрагируется от теории. Возможно, работать с категорией "жизнь" трудно даже в чисто методологическом отношении. Не случайно она у Гегеля появляется только в третьей части "Науки логики", в учении о понятии. Эту категорию заметил и оценил В.И. Ленин ("Мысль включить *жизнь* в логику понятна – и гениальна")¹³, чуть раньше него – С.Н.

¹¹ См.: Нетесин Ю.Н. Воспроизводство человека: политико-экономический аспект. Рига, 1988. С.48.

¹² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.46. Ч.1. С.27 (курсив мой. — У.Г.).

¹³ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.29. С.184.

Булгаков, положивший пару "жизнь – смерть" в основу книги "Философия хозяйства" ("Хозяйство есть борьба человечества с стихийными силами природы в целях защиты и расширения жизни"... может ли хозяйство преодолеть смерть? Нет, человек всегда останется рабом смерти)¹⁴, но до недавнего времени практически игнорировали экономисты. Впрочем, и сейчас еще приходится согласиться с упреком, что "экономисты обычно пишут о производстве и воспроизводстве общественного продукта, национального дохода, производительных сил. Вопросам воспроизводства общества и человека больше внимания уделяют философы: у них имеются довольно серьезные попытки преодолеть сведение производства к производству вещей, продукта, выйти на объяснение производства самой непосредственной человеческой жизни, социальных отношений, образа жизни"¹⁵.

Что же касается К. Маркса, то у него категория "жизнь" работает во всех экономических трудах – и в самых ранних (с первых строк первой экономическо-философской рукописи 1844 г. – "*Заработная плата определяется враждебной борьбой между капиталистом и рабочим. Побеждает непременно капиталист. Капиталист может дольше жить без рабочего, чем рабочий без капиталиста*"¹⁶, и в самых поздних. (В 1881 г. в первом наброске ответа на письмо В.И.Засулич он писал: "Чтобы быть в состоянии развиваться, необходимо прежде всего жить... Жизнеспособность первобытных общин была неизмеримо выше жизнеспособности семитских, греческих, римских и прочих обществ, а тем более жизнеспособности современных капиталистических обществ"¹⁷.)

Наиболее известная характеристика значения именно материальной жизни дана К. Марксом в предисловии к "Критике политической экономии": "В общественном *производстве* своей жизни люди вступают в определенные, необходимые, от их воли не зависящие отношения... *Способ производства материальной жизни обуславливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще*"¹⁸. Человеческая жизнь постоянно подразумевается и по мере необходимости упоминается в "Капитале". "Размышление над *формами человеческой жизни*, а следовательно, и научный анализ этих форм, вообще избирает путь, противоположный их действительному развитию"¹⁹. Он доказывал, что "строй *общественного жизненного процесса, т.е. материального процесса производства*, сбросит с себя мистическое туманное покрывало лишь тогда, когда оно станет продуктом свободного общественного союза людей и будет находиться под их сознательным планомерным контролем"²⁰. Он считал, что "*процесс труда*, как мы изобразили его в простых и абстрактных его моментах, есть целесообразная деятельность для созидания потребительных стоимостей... вечное *условие человеческой жизни*, и потому он не зависит от какой бы то ни были *формы этой жизни*, а, напротив, одинаково общ всем ее общественным формам"²¹.

Абстрактные моменты, о которых говорилось в приведенной только что цитате, – это набор элементов производительных сил, ориентированных на вещные условия жизни человека. Но К. Маркс в "Капитале" говорил и о *потребительных силах* по отношению к этим же условиям жизни, т.е. рассматривал эту категорию как парную производительным силам. "Условия непосредственной эксплуатации и условия реализации ее не тождественны, – писал он. – Они не только не совпадают по времени и месту, но и по существу различны. Первые ограничиваются лишь *производительной силой общества*, вторые ограничиваются пропорциональностью различных отраслей производства и *потребительной силой общества*. Но эта последняя определяется не *абсолютной производительной силой* и не *абсолютной потребительной силой*, а *потребительной силой* на основе антагонистических отношений

¹⁴ Булгаков С.Н. Философия хозяйства. М., 1912. С.43-45

¹⁵ Ельмеев В.Я. Воспроизводство человека и общества. М., 1988. С. 11.

¹⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.42. С.47.

¹⁷ Там же. Т.19.С.408, 402.

¹⁸ Там же. Т.13. С.6 (курсив мой.—Л.Г.).

¹⁹ Там же. Т.23. С.85 (курсив мой.—Л.Г.).

²⁰ Там же. С.90 (курсив мой.—Л.Г.).

²¹ Там же. С. 195 (курсив мой.—Л.Г.).

распределения, которые сводят потребление огромной массы общества к минимуму"²².

Речь здесь идет о капиталистической эксплуатации на основе товарно-денежных отношений, и, кажется, можно было бы поэтому говорить об ограничивающем воздействии уровня оплаты труда на потребление рабочих, на удовлетворение их потребностей, наконец, о спросе как форме выражения этих потребностей. Однако К. Маркс предпочел более общий, универсальный термин, точно корреспондирующий именно с производительной силой. Здесь он прямо продолжил традицию, заложенную Ф.Энгельсом еще в 1844 г. в "Набросках к критике политической экономии": "Истина конкуренции состоит в отношении потребительной силы к производительной диле. В строе, достойном человечества, не будет иной конкуренции, кроме этой"²³. Таким образом, пара "производство – потребление материальных благ", описывающей жизнь общества как *реальный* процесс присвоения предметов природы, соответствует пара "производительные силы общества – потребительные силы общества" на уровне потенциалов, *возможностей* общества.

К сожалению, до недавнего времени категория "потребительная сила" не привлекала у нас должного внимания. Об этом, в частности, свидетельствует ее отсутствие в предметном указателе к собраниям) сочинений К. Маркса и Ф.Энгельса. Между тем именно ее, в паре с "производительной силой человека", можно рассматривать как естественный способ ввести *субъектность* в производственные отношения.

Представляется, что, вставая на обычную точку зрения нашего политэкономпрофессионала (предмет политической экономии – производственные отношения, понимаемые лишь как отношения по поводу производства, распределения, обмена и потребления материальных благ), мы и на "Капитал" смотрим несколько односторонне. Вот один пример такой односторонности. В русском переводе предисловия К. Маркса к первому изданию I тома "Капитала" можно прочесть, что предметом его исследования "...является капиталистический способ производства (жизни общества? – Л.Г.)²⁴ и соответствующие ему отношения производства и обмена (материальных благ? – Л.Г.)". Эту семантически неполную формулировку мы укоротили еще больше, убрав слова о способе производства и оставив только отношения производства и обмена. Такая формулировка уже в явном виде на передний план выдвигает именно вещи, по поводу производства и обмена которых возникают какие-то отношения.

После механического добавления к ним отношений распределения и потребления, почерпнутых из "Введения", и получается ставшее уже каноническим определение производственных отношений как отношений, возникающих между людьми по поводу производства, распределения, обмена и потребления жизненных благ. Оно воспроизведено и в новейших учебниках²⁵. Движение от такого понимания производственных отношений к категории "способ производства" уже как бы автоматически подразумевает только одно: "материальных благ", самое большее – "жизненных благ" и исключает иное: "материальной жизни общества".

Между тем в "Капитале" имеется и более развернутая формулировка процесса производства вообще и его капиталистической формы (способа) в частности: "Капиталистический процесс производства есть исторически определенная форма общественного процесса производства вообще. Этот последний есть *одновременно* и процесс *производства материальных условий* существования человеческой жизни, и протекающий в специфических историко-экономических *отношениях производства* процесс *производства* и воспроизводства самих производственных *отношений*, а тем самым и *носителей* этого процесса, материальных условий их существования и взаимных их отношений, то есть определенной общественно-экономической формы последних. Ибо *совокупность* этих *отношений*, в которых *носители*

²² Там же. Т.25. Ч.I. С.268 (курсив мой.—Л.Г.).

²³ Там же. Т.I. С.562.

²⁴ Там же. Т.23.С.6

²⁵ См.: Политическая экономия. Учебник для вузов. М., 1988. С.48; Введение в философию. Учебник для вузов. Ч.2. М., 1989. С.428.

этого производства находятся к природе и друг к другу и при которых они производят, – эта совокупность как раз и есть *общество*, рассматриваемое с точки зрения его экономической структуры. Капиталистический процесс производства, *подобно всем его предшественникам*, протекает в определенных *материальных условиях*, являющихся, *однако*, в то же время носителями определенных *общественных отношений*^» *которые вступают индивидуумы в процессе воспроизводства своей жизни*"²⁶.

Эта мысль К. Маркса в контексте рассматриваемой здесь проблемы интересна целым рядом моментов. Во-первых, видно, что под производством вообще понимается нечто большее, чем производство (и воспроизводство) материальных благ, вещей, – речь идет именно о производстве и воспроизводстве жизни людей. Все остальное рассматривается только как стороны, аспекты *этого* производственного процесса. Во-вторых, в качестве таких существенных, несводимых друг к другу сторон выделяются три: а) производство материальных *условий* существования (это – не только предметы потребления и средства производства, к ним можно добавить и более *общие* материальные условия жизни человека); б) производство производственных отношений; в) производство *носителей* процесса производства. В-третьих, сам носитель К. Марксом не персонифицирован, хотя, казалось бы, ясно, что под носителем подразумеваются люди, субъекты, физические и юридические лица (термин "носители" в этой работе будет использоваться довольно широко). Однако последующий ход мысли показывает, что это сделано специально, что есть такая форма производства, которая от всех предшествующих ей отличается именно тем, что носителем определенных отношений становятся определенные материальные условия. (В "Капитале" К. Маркс показал, что таким условием становится машина как орудие труда, машинное производство как адекватная материальная основа капиталистической формы жизни общества.) В-четвертых, производственные отношения здесь только названы, но не определены. Указано лишь, что это отношения носителей производства к природе и друг к другу, при которых они производят. Из этого можно сделать только один вывод: "отношения производства и обмена" материальных благ не вполне соответствуют этим указаниям, ибо это отношения непосредственно производства, причем понимаемого весьма односторонне.

Почему же в предисловии к "Капиталу" К. Маркс употребил именно это выражение – "капиталистический способ производства и соответствующие ему отношения производства и обмена"? Почему он не продолжил "распределения и потребления"? Ответ на эти вопросы можно найти в немецком издании "Капитала", где на месте слова, переведенного на русский язык как "обмен", стоит слово *Verkehr*, которое гораздо более многозначно (движение, связь, общение и др.). В немецком же языке слову "обмен" соответствует *Austausch*. Вряд ли можно предположить, что К. Маркс допустил здесь употребление разных терминов для одного и того же понятия. Логичнее исходить из того, что он в одном и том же произведении употреблял разные термины для разных понятий, которые и в переводе следовало бы сохранить как разные. На мой взгляд, именно потому, что речь идет об отношениях производства и *общения* (а не только обмена как частной, весьма специфической формы общения), этот ряд не может быть продолжен "фазами" (распределения и потребления материальных благ). Если его и продолжать, то только словами "людей, носителей жизни общества". Почему же был сделан именно такой перевод? Интересно, что появился он не сразу. В первом русском издании I тома "Капитала", появившемся в Петербурге в 1872 г., соответствующий термин оригинала был переведен как "обращение" с указанием в скобках немецкого слова (*Verkehr-verhالتائس*), что отражало неуверенность в точности передачи смысла, затруднения с подбором русского эквивалента. Затем появился другой термин – обмен – и сомнения исчезли. Почему это произошло?

Скорее всего, невольным виновником трансформации перевода этого термина стал сам К. Маркс, под наблюдением которого в том же 1872 г. вышел чуть переделанный французский перевод, где в этом же месте было употреблено слово *echange* (обмен)²⁷.

²⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.25. Ч.II. С.385 (курсив мой.—Л.Г.)

²⁷ См.: Marx K. Le Capital. Paris, 1872. P.10.

Способствовало закреплению этой упрощенной трактовки определение политической экономии, которое Ф.Энгельс дал в "Анти-Дюринге" с ведома и одобрения К. Маркса, не только прочитавшего эту работу в рукописи, но и написавшего одну из глав как раз в отделе "Политическая экономия". Вот это определение:

"политическая экономия, в самом широком смысле, есть наука о законах, управляющих производством и обменом материальных жизненных благ в человеческом обществе"²⁸ (для ср.: "Политическая экономия есть наука, изучающая условия освобождения человека от рабства природе"²⁹). На мой взгляд, к этому определению надо бы подойти с учетом общего характера "Анти-Дюринга" как работы полемической. На необходимость учета подобных моментов указывалось еще в 20-х гг. Заслуживают внимания такие, например, строки: "Хотя Энгельс и противопоставляет взглядам Дюринга свои и Марксовы взгляды, все же это противопоставление и обоснование основных положений теории строится часто не в систематическом порядке, но приспособляясь к ходу полемики с Дюрингом; в связи с этим, выдвигаются, подчеркиваются то одни, то другие стороны теории, сообразно с тем, какие из них в данный момент лучше выражают различие взглядов, лучше подчеркивают неправильность взглядов Дюринга. Не является вполне самостоятельной, строго исследовательской работой и другая работа Энгельса, также дающая материал по вопросу о классах, его "Происхождение семьи, частной собственности и государства"... Только в свете выводов, полученных из анализа положений Маркса, выясняются во всей их совокупности, в их единстве, взгляды самого Энгельса на существо классов. С другой стороны, в силу указанных выше особенностей трудов Энгельса, нельзя изучать его воззрения на основе отдельных, оторванных друг от друга, отрывков из его произведений, необходимо привести их связь как друг с другом, так и с общим учением Энгельса об обществе"³⁰.

В данном случае Ф.Энгельс критиковал Е.Дюринга за "выпячивание" процесса распределения как чего-то самостоятельного и "задвигание" обмена, обращения внутрь процесса производства. Для такой полемики, остававшейся на почве капиталистической и докапиталистической реальности, вполне хватало указанного определения. Точно так же в главе X этого же отдела (Из "Критической истории"), написанной К. Марксом, сравнительно много внимания уделено экономическим взглядам греков, Петти, Локка, Юма и Кенэ и практически ничего не сказано ни о Смита, ни о Рикардо. И здесь дело было не в действительной роли тех или иных личностей в развитии политической экономии, а в полемике с Е.Дюрингом, ведущейся в русле критики его взглядов на отдельных ученых.

Однако для анализа современной экономики представление о предмете политической экономии как отношениях производства и обмена оказывается как минимум недостаточным и даже не вполне корректным. Во всяком случае, в "Капитале" есть и другое определение производственных отношений, которым К. Маркс широко и с большим успехом пользовался при анализе самых различных способов производства, включая и докапиталистические, и социализм. Причем в этом определении К. Маркс явно оперирует именно с субъектами воспроизводства. Вот это известное определение: "Непосредственное *отношение собственников условий* производства к непосредственным *производителям* – отношение, всякая данная форма которого каждый раз естественно соответствует определенной ступени развития способа труда, а потому и общественной *производительной силе* последнего, – вот в чем мы *всегда* раскрываем самую *глубокую* тайну, скрытую основу всего общественного строя, а следовательно, и политической формы отношений суверенитета и зависимости, короче, *всякой* данной специфической формы государства"³¹.

Нетрудно заметить, что хотя сам термин "производственные отношения" здесь отсутствует, речь по существу идет именно об этой категории, причем взятой в подчеркнуто общей форме (всегда, всякая...). Это видно из положения, которое эти отношения занимают

²⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.20. С. 150.

²⁹ Булгаков С Н Краткий очерк политической экономии. М., 1906 С.7.

³⁰ Архив К. Маркса и Ф. Энгельса. М., 1924. Т.I. С.415-416.

³¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.25. Ч.II. С.354 (курсив мой.—Л.Г.).

"между" производительными силами и надстройкой (в следующем предложении К. Маркс прямо называет их экономическим базисом). Корреспондируют они и с уже упоминавшимися указаниями из третьего тома "Капитала" – отношение к природе (условиям производства, в том числе и к человеку как существу природному – фактору производства), и друг к другу (собственник к производителю).

Сам К. Маркс дал эту формулировку при анализе земельных отношений в условиях азиатского способа производства (который имеет для нас особый интерес, так как собственность на землю при этом государственная, а пользование ею – коллективное и индивидуальное), а затем с помощью этого категориального аппарата решает проблему земельной ренты, оставшуюся в наследство от Д.Рикар-до. Речь идет о разделении двух видов монополии – монополии собственности на землю и монополии ее хозяйственного использования. Аналогичный подход К. Маркс применяет и при анализе разделения капитала на капитал-собственность и капитал-функцию.

Следует также обратить внимание на то, что здесь К. Маркс говорил не о средствах производства и не просто об их соединении с личным фактором, а об условиях производства, включающих и главную производительную силу – человека (точнее, его рабочую силу), соединение которых всегда опосредуется отношениями собственников и непосредственных производителей. Именно это выражение (условия производства) он употребляет и в "Критике Готской программы": "...было вообще ошибкой видеть существо дела в так называемом *распределении* и делать на нем главное ударение. Всякое распределение предметов потребления есть всегда лишь следствие распределения самих условий производства. Распределение же последних выражает характер самого способа производства"³².

На это есть смысл обратить внимание. Мы обычно говорим, что работник при капитализме отделен от средств производства, не является их собственником. Иными словами, в формулу "отношения собственника условий производства и непосредственного производителя" мы на место первого субъекта – собственника – ставим капиталиста, а на место второго – производителя – ставим рабочего. А нельзя ли поменять этих субъектов местами? В этом случае рабочий выступает как собственник одного из условий производства – рабочей силы, а капиталист – в качестве непосредственного производителя. Представляется, что такой вариант формулы имеет ничуть не меньшее право на существование, чем стандартный. Во всяком случае, именно в него хорошо укладываются и зачаточные формы капиталистических производственных отношений, и самые современные, чего нельзя сказать о стандартном.

Например, на заре развития капитализма в России капитал проникал в жизнь крестьян и ремесленников через централизацию торговли (сначала сбыта готовой продукции, потом снабжения материалами). Работники хотя и использовали собственные орудия труда, но самостоятельными хозяевами, производителями в точном смысле слова уже не являлись. Они были только собственниками всех условий производства, в том числе и в первую очередь рабочей силы, но были вынуждены применять их так, как диктовал им конкретный организатор производства, а не безликий рынок.

Более того, наемное рабство именно потому рабством и называется, что представляет собой шаг назад от феодализма: носитель рабочей силы хотя и собственник одного или даже всех условий производства материальных благ, но уже не его хозяин. Поэтому проблемы мотивации трудовой активности периода заката рабовладения и современного капитализма имеют довольно много общего. Можно обнаружить и сходство "рецептов" лечения этой болезни – переход к колонату в одном случае, многообразные формы "диффузии" собственности, участия в прибылях и тому подобное – в другом. Кроме того, в современных условиях отношение между собственником средств производства и рабочим отнюдь не является непосредственным, а вот отношение найма между собственником рабочей силы и реальным хозяйствующим субъектом (будь то обычное капиталистическое предприятие, акционерное общество, кооператив или что-то другое) остается непосредственным. Причем отношением

³² Там же. Т.19.С.20

именно найма, аренды, а не обмена. Если внимательно присмотреться к актам обмена и аренды, то можно заметить разницу между ними в отделении монополии собственности от монополии хозяйствования. Как уже отмечалось в предыдущем параграфе, когда товар меняет владельца, то монополия его хозяйственного использования полностью (а не на время, как при аренде) переходит от продавца к покупателю, а монополия собственности остается за продавцом (при эквивалентном обмене) только на его стоимость.

На мой взгляд, сделка между собственником рабочей силы и капиталистом является не обменом товаров (куплей-продажей) в точном смысле этого слова, а арендой, ведь рабочая сила всегда сохраняется в личной собственности работника, который только на определенное время передает монополию ее использования тому или иному функционирующему капиталу. Трудно сказать, почему сам К. Маркс не оперировал этой терминологией (отношения собственника условий производства и непосредственного производителя, монополия собственности и монополия хозяйствования) на протяжении всего "Капитала", а лишь в самом конце перешел к ней. Известно, что над всеми томами "Капитала" К. Маркс работал параллельно, поэтому в принципе он имел возможность обеспечить более высокий уровень унификации терминологии. Может быть, это в какой-то мере можно объяснить полемическим характером "Капитала"? Тем, в частности, что первая задача, которую он решал, получив ее в наследство от Д.Рикардо (как возможна эксплуатация при эквивалентном обмене), могла быть решена, по его мнению, из анализа самого обмена.

Для меня в рассмотренном выше определении производственных отношений принципиально важным является функциональная разница между двумя сторонами их носителей. Одна из них – непосредственные производители – является активной по отношению к природе, выступает причиной изменений внешних предметов, их преобразования в формы, удовлетворяющие жизненные потребности индивидов. Другая сторона – собственники, непосредственные потребители – является пассивной по отношению к предметам, данным природой, и активной по отношению к непосредственным производителям жизненных средств, поскольку от них зависит существование потребителей, их *собственные* изменения как материальных предметов (именно эти изменения, на мой взгляд, и представляют собой интересы, вокруг которых вращается вся экономическая жизнь общества).

Стороны эти функционально противоположны, но неравноценны. Поскольку, изменяя внешний мир, человек изменяется сам, постольку непосредственный производитель, по крайней мере отчасти, выступает и как субъект присвоения уже в рамках самого производственного процесса. Собственно, именно на этом эмпирическом факте основан закон "тождества труда и собственности"³³. Поэтому всякий реальный производитель вступает в производственное отношение и с самим собой (а его отношение с противоположной стороной одновременно предстает и как отношение собственников). Это относится не только к людям, но и к таким носителям производственных отношений, как капитал. У К. Маркса неоднократно можно встретить такие, например, выражения, как "отношение капитала к самому себе"³⁴.

Вторая сторона выступает как совершенно не самостоятельная в онтологическом аспекте. Ее существование целиком зависит от первой стороны. Только на этой стороне производственных отношений находятся все нетрудоспособные члены общества, а также его будущие поколения. Именно на этой стороне возможно появление феномена односторонней эксплуатации, которая в чистом виде проявляется в праздности части трудоспособных членов общества, ограничивающих свое участие в производстве (присвоении) предметов природы лишь стадией конечного потребления.

Рискну высказать гипотезу: переходя от пары "труд – товар" к триаде "субъект – труд – товар", мы и теорию двойственности тоже должны дополнить, получив в результате примерно такую схему.

³³ См. там же. Т.46. Ч.I. С.459.

³⁴ Там же. С.253-256.

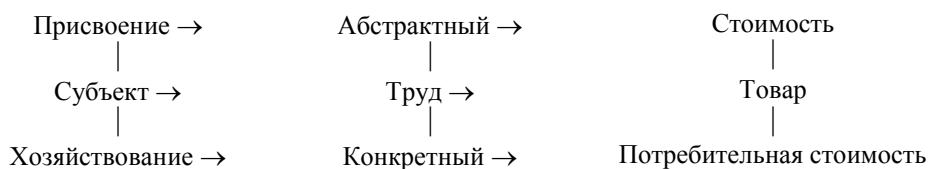
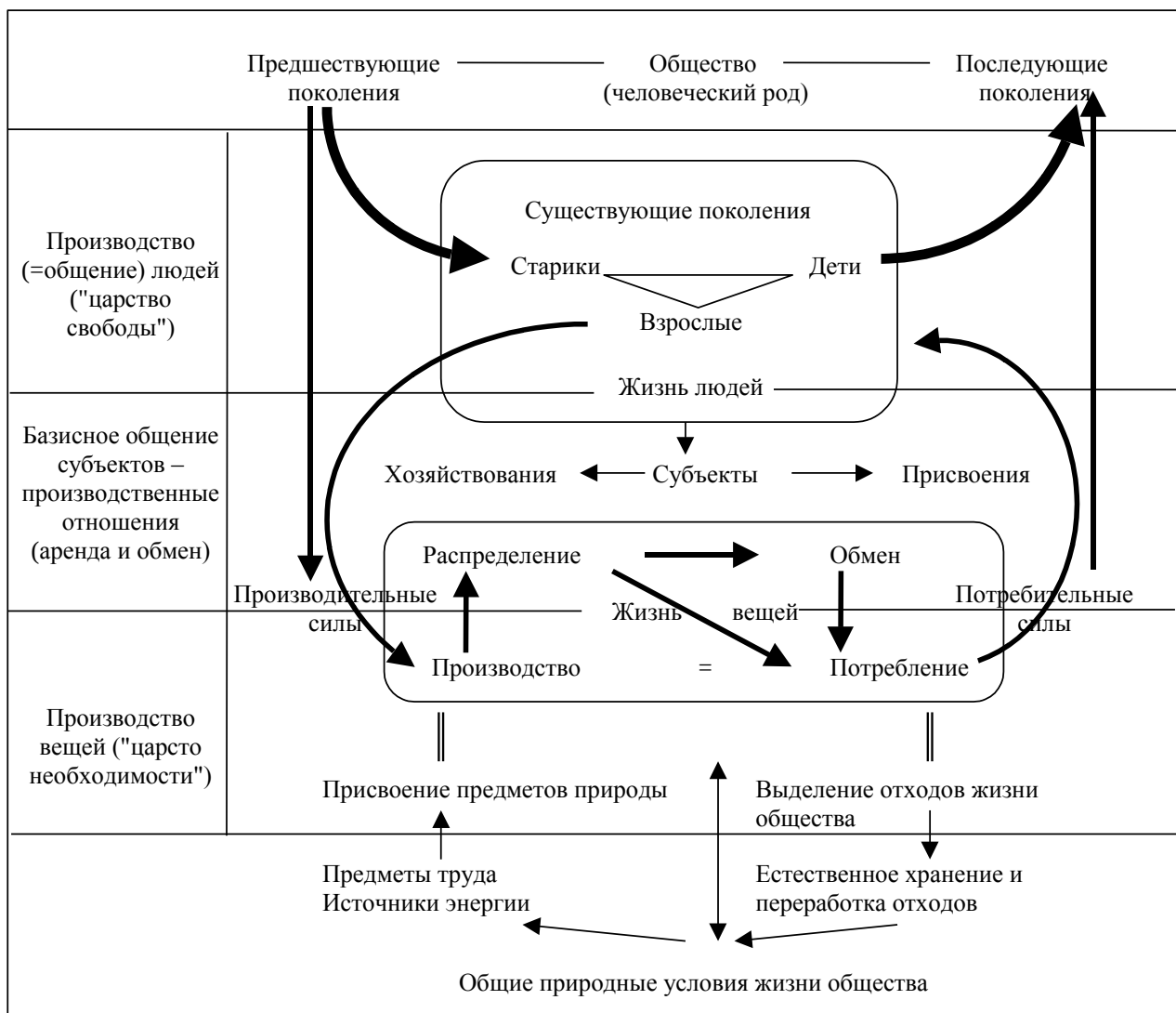

Схема 1. Расширение теории двойственности.

Иначе говоря, проблему диалектики присвоения и хозяйствования я бы предложил рассматривать в рамках расширенной теории двойственности. Пожалуй, разработка подходов к такой теории – одна из сквозных тем данной книги, которая лишь к концу приобретает более конкретные очертания. Здесь только отмечу, что в приведенной схеме есть одна большая неточность: добавка к традиционной паре "труд – товар" имеет в отличие от нее не особенную, а всеобщую форму. Правильнее было бы написать: *атомистический*, относительно обособленный субъект, *частное* хозяйствование, *частное присвоение*. Но и это требует комментариев, которым не место в этой "разминочной" главе. Здесь же хотелось подчеркнуть именно всеобщий аспект теории двойственности К. Маркса, родившейся из анализа особого типа производства – товарного.

На схеме 2 представлены основные элементы производства материальной жизни общества, упоминавшиеся в этой главе. В последующих главах они будут рассмотрены более подробно.

Условные обозначения

- – цикл обмена веществ между обществом и природой
- – цикл воспроизводства материальной жизни
- – цикл воспроизводства поколений людей

Схема 2. Производство материальной жизни общества.

Глава 2 ДИАЛЕКТИКА ПРЕДМЕТНОСТИ И ИЗМЕНЧИВОСТИ

ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

В предисловии я уже предупреждал, что вторая глава – наиболее сложная. Для облегчения ее понимания хотелось бы добавить здесь несколько слов о моей общей позиции. Думаю, что длительная борьба партий материализма и идеализма закончилась в XX в. боевой ничьей. Отделение понятия материи от материальных предметов как всеобщего от особенного, начатое В.И. Лениным, – это не только развитие материалистической традиции, но и большой шаг к признанию правды идеализма и даже ненавистного В.И. Ленину фидеизма. Правды, заключающейся в несовершенстве, неполноте "посюстороннего мира" как мира материальных предметов, конечного, тварного мира, "града земного".

Бог и материя функционально сейчас слились почти полностью: и то, и другое признается не-сотворимым и неуничтожимым; и для того, и для другого мир материальных предметов рассматривается как что-то вроде одной из форм проявления, существования всеобщего начала, весьма несовершенной, преходящей; в этом несовершенном предметном мире человек рассматривается как самое совершенное творение, наиболее близкое по своим качествам всеобщей "инстанции"; мерилom совершенства и в том, и в другом случае выступает степень индивидуальной свободы, понимаемой прежде всего как свобода от суеверий, ложных ценностей, абсолютизации тех или иных предметов, вещей, независимость от какого-либо давления "со стороны", от внешней причины, самодетерминация.

Когда-то К. Маркс в 1 тезисе о Фейербахе отметил, что идеализм имеет приоритет перед материализмом в разработке деятельной стороны бытия, но не знает чувственной предметности. Но начиналось религиозное сознание с тотема, т.е. чувственно-сверхчувственной предметности. Можно сказать, что материализм следовал за идеализмом в понимании ограниченности чувственно-предметной и вообще предметной формы бытия. Всеобщее начало сейчас связывается со спонтанной изменчивостью, а предметность – с особой сферой ее проявления. В то же время отдельно взятый индивид, осознающий конечность своего существования, – это та предметная реальность, с которой должна считаться любая философская система, претендующая на внимание к себе со стороны человека.

Пожалуй, единственное заметное сейчас расхождение (в рамках обсуждаемой здесь темы) – в отношении к человеческому роду. Религиозному мышлению свойственно игнорирование специфики этого предмета. Вместе с этим на второй план отходит и проблема эксплуатации человека человеком. (В западной религиозной традиции эсхатология проводит непреодолимую границу между конечным во времени существованием человеческого рода ("конец света") и бесконечным трансфизическим существованием отдельно взятых людей. В восточной религиозной традиции, чуждой эсхатологии, специфика человеческого рода теряется из-за представлений о возможности межвидовой инкарнации, воплощения одной и той же бессмертной души то в человеке, то в каком-либо животном.) Материализм же настаивает на уникальности этого предмета и на том, что продолжение его существования в рамках предметной формы существования материи в принципе ничем не ограничено, кроме действий самих людей. Отсюда нетривиальная проблема сочетания свободы индивида и необходимости продолжения жизни человеческого рода. Деформация проявлений этой свободы в условиях эксплуатации человека чревата фатальными последствиями. Интерес к этой теме во многом и определил мой подход к материалу второй главы.

[Содержание 2-5 глав монографии в основном соответствует аналогичным главам диссертации на соискание ученой степени доктора экономических наук от 1993 г. "Человек в экономике: теоретико-методологический анализ", также представленной на сайте]

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Обычно читатель начинает знакомиться с книгой с конца, чтобы прикинуть, а стоит ли тратить на нее время. Поэтому при написании заключения приходится думать и о тех, кто уже прочитал текст и ищет в конце какого-то обобщения, выводов из всей работы, и о тех, кто пудинга еще не пробовал, но хотел бы вопреки пословице, ощутить его вкус. Учитывая это, наиболее принципиальную часть полемики я и решил вынести сюда.

Очень авторитетный (можно даже сказать, легендарный) исследователь античной философии А. Ф. Лосев придерживался правила: "Пока я не сумел выразить сложнейшую философскую систему в одной фразе, до тех пор я считаю изучение данной системы недостаточным". В качестве примера он привел фразу, в которой выразил "многотрудного и бесконечно разнообразного Платона: ... вода замерзает и кипит, а идея воды не замерзает и не кипит, то есть вообще не является вещественной"³⁵. Руководствуясь этим методическим правилом, свой собственный взгляд на мир я бы сформулировал в столь же банальной фразе: любая материальная вещь может исчезнуть, а материя – никогда. Из этого положения я делаю вывод, который выглядит тоже довольно банально: материю нельзя представлять как вещь, обращаться с ней как с вещью, приписывать ей свойства, хорошо известные нам как свойства вещей.

Тем не менее этот вывод пока вряд ли можно считать банальным, поскольку он идет вразрез с весьма устойчивой традицией, насчитывающей не одну сотню лет.

К сожалению, нечто вроде аналогов такого переноса свойств с одного уровня на другой, предельный (всеобщий) часто встречается и в мышлении экономистов. Долгое время мы очень уж буквально пытались понимать выражения типа: "хозяйственный механизм общества должен работать как часы"; "при социализме все производство функционирует как одна большая фабрика"; "все определения труда Робинзона сохраняются в масштабах коллектива, общества" и т.п. Есть что-то надуманное, схоластическое, в том, что подобные образы принимаются за отражение объективной реальности или, что еще хуже, за образцы для ее "преобразования". И вряд ли в экономической мысли можно легко освободиться от подобной техники мышления, пока она сохраняет достаточно прочные позиции в мысли философской, особенно в тех ее ответвлениях, которые традиционно рассматриваются как методологический фундамент экономический исследований.

На мой взгляд, единственное свойство, которое можно и нужно "приписывать" материи, и только ей – это ее неуничтожимость (и несотворимость, само собой). Других определенных свойств, атрибутов материя не имеет, а потому вторым после неуничтожимое™ ее "свойством" является *неопределенность* (полная, бесконечная и т.п.), изменчивость. Всякая же материальная вещь и определена, и потенциально исчезаема. Вопрос в том, в какой мере продолжение существования вещи или ее исчезновение зависит от ее собственных изменений. Особенно высока эта самозависимость существования у материальных тел, обладающих мышлением.

Самосохранение (при самоизменении) – это единственное свойство, которое "совершенным образом" присуще только материи. Вещи же, материальные предметы этим свойством обладают лишь "несовершенным образом". Несовершенство это, однако, может меняться в очень больших пределах – от полной невозможности продолжить существование за счет собственных изменений до контроля общества над производством собственной жизни.

При таком подходе представляется корректным говорить о *законах сохранения*, которым подчиняется существование определенных материальных тел и их совокупностей, о *законах перехода* от одной формы "самосохранения" предметов к другой, более совершенной, более самозамкнутой и одновременно более пластичной. Но называть их всеобщими законами развития природы вряд ли возможно.

Последовательное проведение такого подхода в сфере философской мысли выходит

³⁵ Лосев А.Ф. Дезание духа. М., 1989. С.208.

далеко за пределы моей компетенции. Поэтому в книге, особенно в гл. 2, нетрудно обнаружить элементы эклектики. Например, предполагается, что закон взаимных переходов количественных и качественных изменений действует на уровне материи "в целом" (это дань традиции), а на уровне материальных предметов он лишь трансформируется во взаимопереходы количественных, качественных, экзистентных и относительных изменений отдельных предметов и всеобщей взаимосвязи изменений различных предметов. На самом деле категории "количество" и "качество" также вряд ли можно отрывать от вещей и "делегируют" их материи. Но данная работа – все-таки не философский трактат и я надеюсь не столько на снисходительность читателя-философа, сколько на его интерес к существу дела, к проблемам воспроизводства (самосохранения и саморазвития) человеческого общества.

Я надеюсь, что моя исходная позиция позволяет достаточно естественно, без насилия над эмпирическим материалом выйти на три типа воспроизводства – первичного, переходного и нормального, наиболее отвечающего "природе человека", точнее, человеческого рода как самого совершенного из несовершенных материальных предметов.

Поэтому данную работу можно рассматривать и как попытку политико-экономического (со стороны способа производства материальной жизни) обоснования корректности идеи К. Маркса о трех крупных экономических общественных формациях.